

Библиотека
психоанализа

Травма рождения

*и ее значение
для психоанализа*

Отто
Ранк

Отто Ранк

**Травма рождения и ее
значение для психоанализа**

Серия «Библиотека психоанализа»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182672

Травма рождения и ее значение для психоанализа / Пер. с нем Е.Н.

Баканова: Когито-Центр; Москва; 2009

ISBN 978-5-89353-286-9

Аннотация

В своей фундаментальной работе классик психоанализа подробно разбирает неизбежный и самый глубокий травматический опыт в жизни каждого человека – травму рождения. В ней он видит важнейший элемент психического развития, а также корень всех страхов и неврозов, и рассматривает желание вернуться во внутриутробное состояние как основополагающую силу, управляющую психической жизнью индивида. На этом основании он формулирует главную цель психотерапии – помочь пациенту заново пережить эту травму и справиться с тревогой, связанной с отделением от матери. Книга адресуется всем, кто интересуется проблемами глубинной психологии и психоанализа.

Содержание

Предисловие переводчика	4
Предварительные замечания	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Отто Ранк

Травма рождения и ее значение для психоанализа

Предисловие переводчика

Уважаемый читатель! Перед Вами книга, из которой Вы можете узнать, что все мы при нашем появлении на этот свет прошли через психическую травму, которая на протяжении всей последующей жизни остается тем более актуальной, чем менее она осознана нами.

По происхождению эта травма много древнее нашего биологического вида *Homo sapiens*. Нашему виду 40 тысяч лет, а травме рождения...

Два миллиона лет назад первые представители биологического рода гоминид, наши предки-австралопитеки, перешли к прямохождению, и это повлекло за собой анатомо-физиологические изменения, сделавшие роды смертельно опасными, а при «благоприятном» исходе – катастрофически мучительными.¹

¹ Русский физиолог, профессор Ленинградского университета и Сельскохозяйственного института А.В. Немилов в сравнительно-физиологическом исследовании 1920-х годов показал, что переход к прямохождению обусловил целый ряд

На протяжении двух миллионов лет працеловечество и человечество в какой-то степени осознавали страдания матерей, но были не в состоянии понять мук ребенка. Это был поистине грандиозный паралич человеческого сознания: еще совсем недавно даже мировая психологическая наука вообще не рассматривала проблемы психической жизни плода и новорожденного, хотя для каждой женщины, хоть раз выносившей ребенка, наличие у него психики было непосредственным фактом, «данным ей в ощущениях», по меньшей мере, с 7-8-го месяца беременности. И родовой процесс до самого последнего времени оставался незатронутым усовершенствованиями именно в плане психически благоприятного для ребенка течения родов (если не считать некоторых традиций, утраченных вместе с архаическим бытом).

Но вот наконец наш род дожил до времен, когда нарождается новая культура вынашивания и родов, обещающая в перспективе уберечь человека от психической травмы при

факторов, которые в ходе эволюции реализовались в анатомо-физиологических изменениях, в результате которых естественный родовой процесс животных превратился в «физиологическую катастрофу» у предков человека, что повлекло за собой рост числа осложнений беременности и родов и женской смертности [3, 53, 127–132]. Позже это подтвердилось археологическими исследованиями А. Валуа, показавшего на останках от синантропов (300 тыс. лет до н. э.) до *Homo sapiens* мезолита (7-10 тыс. лет до н. э.) массовую смертность женщин в начале детородного возраста, что связывалось им с осложнениями беременности и родов [14, 222–226]. Эти данные хорошо согласуются с реконструкцией антропогенеза по Ю.И. Семенову [6, 129–133] и без затруднений могут быть распространены на весь антропогенез.

переходе из внутриутробного мира во внешний. Эта новая культура зародилась в России конца 1960-х годов и связана с именем Игоря Чарковского и его методикой вывода новорожденного из плодных вод в воду. За последние три десятилетия эта культура родов быстро распространилась и получила свое развитие в Новой Зеландии, США, Франции, России и других странах.

Сегодня кажется противоестественным то обстоятельство, что научное открытие психической травмы рождения, ее содержание и последствия для человека и человечества, а стало быть, и весь смысл новой культуры производства человека на свет, остаются по-настоящему неизвестными российской гуманитарной, медицинской и широкой общественности.

Ставшие недавно доступными русскоязычному читателю работы Станислава Грофа [1; 2], в которых представлены описания феноменологии «перинатальных матриц»,² не только не заполняют этот пробел, но сами нуждаются в объяснении и обосновании, равно как нуждается в объяснении и то, как психиатру Грофу пришло в голову именно в форме «перинатальных матриц» упорядочить ту непроходимую феноменологическую мешанину у пациентов, отравлен-

² Пояснение терминов: пренатальный период – относящийся к внутриутробному периоду развития; перинатальный – в периоде рождения, от 30 недель внутриутробного возраста до окончания 1-й недели внеутробной жизни; неонатальный – в периоде новорожденности, 2-я – 4-я недели внеутробной жизни; постнатальный – после рождения, с 5-й недели внеутробной жизни.

ных ЛСД, которая для любого психиатра до Грофа и после него была и остается просто шизофренией. Свое изобретение «перинатальных матриц» сам Гроф ведет от интерпретации «некоторыми из пациентов» [2, 94–95] своих собственных абнормальных психических явлений – этот ход мысли явно трудно назвать психиатрическим, хотя при этом Гроф не скрывает своего близкого знакомства с работой Ранка.

* * *

Догадка о психической травме рождения впервые была высказана Зигмундом Фрейдом, а заслуга научного открытия травмы рождения и ее значения для формирования и функционирования психического аппарата человека принадлежит австрийскому психологу Отто Ранку.

Отто Ранк (первоначальная фамилия Розенфельд) родился 22 апреля 1884 г. в Вене младшим из двух сыновей. Его еврейская семья принадлежала к среднему сословию и не питала особых духовных притязаний. Отец авторитарно направлял его образование: он должен был стать инженером-машиностроителем. Юный Отто Ранк окончил ремесленное училище с аттестатом зрелости и мог умело обращаться с любым инструментом. Но он чувствовал себя несчастливым в своей профессии – его интересовало искусство. В это время он начал читать работы Фрейда, применяя полученные таким образом знания к анализу лич-

ностей художников. Небольшое сочинение, ставшее итогом этих изысканий, он представил профессору Фрейду и Венскому психоаналитическому обществу, в которое в 1906 г. ввел его А. Адлер.

Вот как об этом рассказывает сам Фрейд: «Однажды один выпускник ремесленного училища представил нам рукопись, которая выдавала исключительное понимание предмета. Мы уговорили его продолжить гимназическое образование, посещать университет и посвятить себя неврачебному приложению психоанализа. Так наше маленькое общество обрело усердного и надежного секретаря, а я нашел в Отто Ранке преданнейшего помощника и сотрудника» [9, 222; 10, 22].

Ранк оставил свою «хлебную профессию», стал работать секретарем Венского психоаналитического общества и несколько позже начал учебу в Венском университете. Биографы отмечают, что между ним и Фрейдом со временем развилась глубокая личная дружба; Фрейд обращался с ним как со своим сыном [15,21]. Постоянный член их круга с 1910 г. Эрнест Джонс вспоминает, как Фрейд часто говорил всем, что если кто-либо из них разбогатеет, то должен первым долгом позаботиться о Ранке; однажды он сказал, что в Средние века такой интеллектуальный молодой студент, как Ранк, нашел бы покровителя-мецената, но потом добавил: «Хотя это, возможно, было бы не так легко – он так некрасив» [12,196]. На взгляд Джонса, по-настоящему

близки Ранк с Фрейдом все-таки не были: «...у Ранка отсутствовал шарм, который для Фрейда много значил» [12,196]. Джонс вспоминает, что Ранк был интеллигентен и сообразителен, брался выполнять все поручения и просьбы и при этом был одарен необыкновенной находчивостью и ловкостью; он был человеком доброй воли и никогда не жаловался на обремененность обязанностями; при этом был остро проныцателен в практических вещах и, как считает Джонс, мог бы стать успешным финансистом (ходили слухи, что много позже, в Париже, он с большой пользой употребил и этот свой дар [12,196]).

В университете Ранк взвалил на себя чудовищную нагрузку по энциклопедической программе: философия, филология, история, этнология, история литературы, педагогика, религиозные науки, история культуры и искусства, фольклористика. Одновременно, по просьбе Фрейда, он регулярно выступает с рефератами на вечерних собраниях кружка врачей – Фрейд пытается вывести исследования из естественнонаучной колеи, предопределяемой врачебным кругом. «Очень скоро в этом врачебном кругу Ранк во всех вопросах становится авторитетом до такой степени, что старшие коллеги лишь тогда бывали удовлетворены своими собственными утверждениями, когда с ними соглашался Ранк. Без сомнения, и Юнг, и Адлер находились под сильным влиянием этих вечеров» [15, 22].³ Джонс тоже вспоминает:

³ Этот авторитет было бы неосмотрительно объяснять личной исключительно-

«Комплимент со стороны всезнающего Ранка значил много» [12, 196].

Выходят его работы: «Художник» (1907), «Миф о рождении героя» (1909), «Сказание о Лоэнгрине» (1911), статьи. В 1912 г. Ранк получает степень доктора германистики в Венском университете и сразу же становится редактором главных международных журналов психоанализа: «Imago» и «Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse». Он ведет терапевтическую работу, продолжает публиковать свои труды: «Мотив инцеста в поэзии и сказаниях» (1912), «Матроны Эфеса» (1913), «Двойники» (1914) и др. В 1913 г. он становится членом Комитета, созданного Фрейдом для координации международного психоаналитического движения.

Личный анализ он собирался пройти у Эрнеста Джонса в Лондоне, но этому помешала Первая мировая война – Англия и Австро-Венгрия стали противниками.

В 1919 г. Ранк создает Международное психоаналитиче-

стью Ранка. Можно сказать с определенностью, что в то время единственно через него в сознание врачей-психоаналитиков проникал богатейший материал культурных фиксаций бессознательного всех времен и народов, содержащий многочисленные взаимосвязи, взаимораскрытия и взаимоподтверждающие варианты, которые невозможно подчерпнуть ни из какой работы с пациентами, исчезающе-мимолетной по историческим масштабам времени и существенно ограниченной условиями места и культурного момента. Здесь, во всяком случае, проявилась глубокая точность фрейдовского решения о направлении обучения Ранка, которая, конечно, не принесла бы своих плодов без его уникальной работоспособности и отмеченного Джонсом «особого аналитического чутья в толковании сновидений и мифов» [12, 196].

ское издательство и становится его директором. При Фрейде он уже библиотекарь, лектор, первый психоаналитик-не врач, психотерапевт, автор работ, организатор, редактор, издатель. Для окружающих было загадкой, как он на все находил время.

Вся эта титаническая работа должна была завершиться каким-то открытием.

И действительно, она завершилась главным открытием Ранка, которое изложено в предлагаемой Вашему вниманию, читатель, книге «Травма рождения».

Но об этом стоит рассказать более обстоятельно, а за подробностями опять обратиться к главному биографу Фрейда и историку психоанализа Эрнесту Джонсу.⁴

Комитет был создан в 1913 г. И состоял из 6-ти членов: Отто Ранка, Карла Абрахама, Эрнеста Джонса, Шандора Ференци, Ханса Захса и Макса Айтингона (с 1919 г.). Именно в среде этого Комитета разыгрались судьбоносные для всех его членов события, описанные Джонсом в главе «Разлад» [13]. Джонсовские описания содержат существенные эскизы характеров не только Ранка, но и всех окружавших его людей, в том числе и самого Джонса, и общей атмосферы

⁴ Эрнест Джонс, известный психоаналитик, работал с Фрейдом с 1910 г. Автор множества работ, цитировавшихся Фрейдом, был членом Комитета, где представлял Англию и весь англоязычный мир. Находился в постоянном личном контакте с Фрейдом и его семьей, с Венским психоаналитическим обществом и обществами других стран. Русскоязычному читателю известен работой по анальному комплексу в переводном сборнике «Психоанализ и учение о характерах» [4].

в их кругу.

«Фрейд видел в Комитете, — пишет Джонс, — не только коллегиальный орган, не только ученое собрание сотрудников, к которым чувствовал дружескую привязанность, он значил для него много больше, и для понимания дальнейших событий важно принять это во внимание. Он теперь пришел к тому, что свои открытия и все, что из них получилось, он рассматривал как драгоценное имущество и ставил их выше дружбы с отдельными людьми... Во время совместного путешествия в Америку (1909) он имел обыкновение рассказывать свои сновидения своим спутникам Юнгу и Ференци, как и они ему свои, и с их слов главной темой, проходившей через все его сновидения, была забота и беспокойство о будущем его детей и психоанализа. Обе эти мысли, должно быть, были очень тесно связаны друг с другом, так как очень многое говорило в пользу того, что в его бессознательном психоаналитические труды означают, в конечном счете, продукт его тела, т. е. ребенка. И мы были опекунами этого ребенка.

Было бы ошибкой считать, что Фрейд находился во внутренней зависимости от членов Комитета — это касается даже его отношений с Ференци, который стоял к нему ближе всех. Все следы такого рода зависимости легко и быстро исчезли после разрыва. Естественно, что его позиция по отношению к нам была скорее отцовской, чем равного по возрасту коллеги. Он интересовался нашим самочувствием и нашей се-

мейной жизнью, прежде всего детьми, но не имел обыкновения вникать в подробности нашей частной жизни. Исключение составлял Ференци, который всегда искал у него личной помощи в своих частных затруднениях.

...Фрейд думал, прежде всего, о том, чтобы сохранить гармонию внутри Комитета, и всякий раз, когда между двумя его членами назревали разногласия, опасался их продолжения. Как долго могла просуществовать эта гармония в группе людей очень разных темпераментов, мужчин, выходцев из пяти различных наций, которые встречались лишь изредка, чтобы обменяться идеями и закрепить свою дружбу? Помимо этой дружбы, их объединяла, конечно, общая цель психоаналитического познания...

Воспринимать психоанализ и его открытия – это значит длительное время удерживать внимание на механизмах работы бессознательного, а способность к этому требует высокой психической стабильности. Когда мы основывали Комитет, мы, шестеро мужчин, надеялись, что доросли до этой задачи. Оказалось, что этому требованию соответствовали только четверо из нас. Двое, Ранк и Ференци, были не в состоянии выстоять до конца. У обоих – у Ранка в драматической форме, как мы увидим, у Ференци лишь мало-помалу, к концу жизни – развились психотические явления, которые, кроме прочего, проявились в том, что они отвернулись от Фрейда и его учеников. Ростки деструктивного психоза, так долго остававшиеся незаметными для всех, безудержно

стремились вырваться наружу.⁵

Десять лет господствовала полная гармония, но в итоге она должна была нарушиться, и всерьез. Злой дух разлада возник внезапно, и в 1923... Комитет распался. Фактически это произошло в течение 7 месяцев его деятельности.

...Первым признаком неблагополучия стало постоянно растущее напряжение между Ранком и мною в издательской работе. Это было следствием тогдашних обстоятельств и определенного несходства наших темпераментов. Я всегда очень охотно проводил время с Ранком, правда, еще до нашего разрыва. Когда мы занимались делами совместно и лично, мы всегда хорошо ладили и находили общий язык. Но в наших переговорах и делах, которые мы вели издаелека, возникало что-то иное и вело к трудностям, которые, возможно, проще было бы уладить, если бы мы жили в одном городе. В ходе воплощения в жизнь нашего совместного плана от 1919 г. об основании «English Press», которое должно было оказывать поддержку Международному психоаналитическому издательству, мы совершенно протрапились на спекуляциях. Обесценивание австрийской валюты... последствия войны... Ранк вел героическую борьбу с этими бесконечными проблемами и достиг сверхчеловеческих результатов... Для примера: он должен был сам покупать бечевки, сам упа-

⁵ Понимая, какие ожидания вызвал у читателя Джонс, считаю своим долгом указать, что ничего «прочего», в чем мы увидели бы «проявление психоза у Ранка», Джонс так и не приводит до самых последних строк своей книги.

ковывать книги в посылки и сам носить на почту. Но это сверхнапряжение не могло не оказать влияния на его сенсильную натуру.

С личной стороны наши отношения затруднялись тем, что я часто почти навязчиво настаивал на выполнении задачи так, как я считал наилучшим, и при этом становился нетерпим к неаккуратности без внимания к чувствительности компаньона – что доставляло мне много неприятностей. Ранк, со своей стороны, работал с почти маниакальным неистовством и был одержим представлением, что надо любой ценой достичь своей цели и сделать дело; поэтому мои возникавшие время от времени протесты выводили его из себя сверх всякой меры. Он отвечал мне в надменном, дерзко-самоуверенном тоне, который я находил чрезвычайно странным со стороны старого друга. Из этого он постепенно развил тенденцию отклонять или игнорировать решения, которые я принимал как руководитель «English Press», в результате чего сотрудничество, мягко выражаясь, оказалось затруднено. Что порождало эту острую, диктаторскую, незнакомую мне до того момента черту ранковского существа, я понять не мог; лишь спустя несколько лет стало ясно, что у него развивалась маническая фаза его циклотимии, которая прогрессировала все дальше.

Мне было известно, что в детстве Ранк очень страдал от враждебности со стороны своего брата, очень угнетавшей его, – состояние, за которым обычно кроются соответствующие

щие чувства против отца. Их он теперь разряжал на меня, и моя главная забота состояла в том, чтобы защитить Фрейда от этих влияний. Я ощущал, насколько значим для Фрейда гармоничный Комитет, и поэтому старался скрывать от него возникшие между нами трудности. Мой партнер, напротив, стоял на своем и не испытывал тех же угрызений совести. Он постоянно рассказывал Фрейду, какой я невозможный коллега, и в подобных личных делах Фрейд обычно изменял своему врожденному скепсису. Я продолжал его успокаивать... но его мнение обо мне все ухудшалось, и подобные попытки выйти из положения недолго приносили успех.

Три года я жил в страхе, что ранковская «враждебность к брату» регрессирует к глубинной «враждебности к отцу», но, несмотря ни на что, надеясь, что при жизни Фрейда этого не произойдет. К несчастью, мои опасения оправдались, так как Ранк, в конце концов, и Фрейду продемонстрировал свою неукротимую враждебность. Это произошло в манере, характерной для его дворянского характера, но которая обнаруживает, насколько он в своих суждениях мог руководствоваться влиянием личных моментов.

Непосредственная суть разногласий между Ранком и мною сама по себе малоинтересна; но так как Фрейду они доставили тогда немало забот, то мне представилось необходимым коротко описать данную ситуацию» [13, 61–65].

Фрейд продолжал критиковать работу Э. Джонса с издательством и с английским журналом и защищать Ранка от

«невротической чувствительности» Джонса и Абрахама, который присоединился к нападкам Джонса после Берлинского психоаналитического конгресса 1922 г.

«...В конце августа 1923 г. на последнем заседании Комитета все решилось. Ференци и Ранк провели предыдущий месяц в Клобенштайне (Тироль), чтобы закончить „Die Entfaltung der Psychoanalyse“ („Развертывание психоанализа“) – книгу, над которой они вместе работали несколько лет. Годом раньше Фрейд говорил об этой совместной их работе как об очень многообещающей; последующие события показали, что было бы уместнее назвать ее „роковой“.

Мы все встретились в Сан-Кристофоро... в Долomitовых Альпах, так что находились поблизости от Фрейда, который проводил свои каникулы в Лавароне, приблизительно 600 метрами выше. Это было через 4 месяца после первой операции Фрейда на раковой опухоли и за 2 месяца до следующей, более радикальной. Тогда еще ни Фрейд, ни кто-либо другой не знали о злокачественности болезни, исключая Ранка, который выяснил это через врачей. Позднее Фрейд часто говорил, что это известие роковым образом подействовало на Ранка, так как его материальное положение целиком зависело от него, и оно побудило его искать независимости...⁶

⁶ Информация о болезни Фрейда просочилась не только к Ранку. В сентябре 1923 г. в чикагской газете была опубликована сенсация: Фрейд «медленно умирает», сдал свои дела своему ученику Отто Ранку. Фрейд прокомментировал это так: «В присланной газете из Чикаго я читаю, что я медленно умираю, больше не работаю и что все ученики уходят к моему духовному сыну д-ру Отто Ран-

Фрейд предложил нам собраться без него и восстановить гармонию между собой; и, когда мы встретились, он приветствовал этот шаг. Кажется, я в беседе с кем-то — с кем уже не помню — критически высказался о Ранке, и он тут же завел разговор о моей недружелюбности. Я извинился зато, что задел его чувства; но он отверг эти извинения и потребовал моего исключения из Комитета. Остальные, конечно, не согласились на это; Абрахам в первую очередь стал защищать меня. Это была болезненная сцена, в ходе которой Ранк впал в неконтролируемую ярость, тогда как я беспомощно молчал.

Хотя гармония не была восстановлена, Фрейд объявил о своей готовности принять нас у себя, и я никогда не забуду, с каким дружелюбием и терпением он старался привести нас к примирению.

После этого болезненного происшествия моя роль в деле с Ранком померкла, и на мое место «нарушителя мира и спокойствия» заступил Абрахам. В конце того года (1923) Ференци и Ранк опубликовали «Развертывание психоанализа». Эта примечательная книга, которой предстояло сыграть судьбоносную роль в грядущих событиях, появилась совершенно внезапно, так что никто из других членов Комитета, кроме Фрейда, ничего о ней не знал. Остальные не могли рассматривать это событие как многообещающее — их поразило уже то, что это совершенно выходило за рамки на-

ших обычаев и фактически было нарушением наших взаимных обещаний. Книга была ценной постольку, поскольку в ней блестяще излагались многие аспекты психоаналитической техники, но также содержала непоследовательные и противоречивые места и диковинные пророчества, как будто хотела возвестить совершенно новую эру психоанализа.

...Фрейд читал работу перед ее опубликованием и высказал ряд замечаний...

...Позднее он говорил Ференци, что сначала был очень увлечен ею, прежде всего потому, что она выводила на первый план дальнейшее развитие техники... Но с ходом времени его мнение о работе все больше снижалось. Он находил ее «неискренней». Эта «неискренность» таилась в том, что идеи Ранка о травме рождения, как и активный технический метод Ференци, были нацелены на то, чтобы сократить сроки анализ, но ни один, ни второй не упомянули эту цель в книге. Он говорил Ранку и Ференци, что предлагаемые ими пути сгодились бы для «коммивояжера», и надеялся, что будет достаточно одного предостережения, чтобы избежать таких злоупотреблений.

...Дальнейшие осложнения вскрылись, когда почти одновременно, в декабре 1923, появилась еще более неоднозначная книга Ранка «Травма рождения». Ни Фрейд, ни Ференци предварительно ее не читали, хотя знали о ней, а для всех остальных она явилась большой неожиданностью. Фрейд уже давно думал, что болезненный опыт рождения,

когда ребенок в результате сильного удушья неминуемо попадает в смертельную опасность, является прототипом всех более поздних приступов страха. Ранк, применяя теперь к этому событию слово «травма», утверждал, что остаток жизни состоит из попыток преодолеть или разрешить, снять эту травму; провал этих усилий является причиной невроза.

Книга была плоха и неясна в композиции, а при своем перегруженном стиле годилась бы скорее для оглашения нового Евангелия, сообразно гипоманической фазе, которую Ранк тогда переживал. В ней был представлен не до конца проверенный материал и преобладали экстравагантные спекуляции в областях искусства, философии и религии. В клиническом отношении в ней делался вывод, что все психические конфликты касаются связи ребенка с матерью и что все, что могло бы казаться конфликтом с отцом, включая эдипов комплекс, лишь маскирует скрытые под ним проблемы рождения. Поэтому психоаналитическое лечение должно с самого начала концентрироваться на единственной задаче: привести больного... к повторению травмы рождения; являющееся результатом повторное рождение несет с собой излечение.

Эти идеи вызревали у Ранка долго. Я вспоминаю, как он в марте 1919 г., когда я встретил его вместе с его беременной женой в Швейцарии, в траурном тоне сказал, к моему удивлению, что мы, мужчины, неважны в жизни; существенна лишь эта связь между матерью и ребенком. 16 марта 1921 г.

он сделал Венскому обществу странный доклад об отношениях партнеров по браку. В нем он утверждал, что отношения между супругами в общем и целом повторяют все те же отношения между матерью и ребенком (попеременно с обеих сторон). Исследование не привлекло тогда особого внимания...

...Еще летом 1922 г. Ранк обсуждал с Фрейдом свои теоретические идеи, не касаясь их приложения к практике, и Фрейд изложил их на Берлинском конгрессе в сентябре 1922 г...Его первой реакцией на сообщение Ранка было: «Кто-нибудь иной использовал бы такое открытие, чтобы стать независимым». Хотя и совершенно бессознательно, но он высказал таким образом то тревожное ощущение, которое подтвердилось тремя годами позднее. В письме к Ференци он комментирует: «Я не знаю, равняется ли это 66 или 33 %, но это, во всяком случае, самый важный успех со времени открытия психоанализа».

Смена реакций Фрейда на теорию Ранка проливает интересный свет на личность Фрейда... Сначала он реагировал с подозрением, а через 4 месяца после появления книги он говорил о своем первом шоке и опасении, что весь труд его жизни по выявлению этиологии неврозов теряет свою значимость, если не становится вовсе бессмысленным, с учетом значения травмы рождения. Но очень скоро Фрейд отошел от мысли, что Ранк совершил фундаментальное открытие, и обратил свой интерес к проблеме того, как можно встроить

его в прежнее здание психоанализа. Спустя некоторое время, вероятно, под влиянием критики из Берлина /от Айтингона/ которая выражала его собственные, лишь частично подавленные опасения, его все чаще и чаще посещали сомнения относительно ценности работы Ранка. Его колебания из стороны в сторону и полные противоречий комментарии к этой теории сделали его действительное мнение трудно постижимым для других...» [13, 74–78].

15 февраля 1924 г. Фрейд попытался разъяснить свою позицию в циркулярном письме к членам Комитета, которое, однако, также не внесло определенности, в конце которого Фрейд вынужден был извиниться за «пространную многоречивость» и приписать, что другие «могли бы обсудить это с таким же успехом».

Все члены Комитета (кроме Ференци) обрушили на работу Ранка очень пеструю по содержанию, но запальчивую по выражению критику, особенно активно – Абрахам. Известный берлинский психоаналитик Эдуард Хичманн в застойной речи произнес язвительный каламбур, назвав Ранка «автором „Мифа о травме рождения“» (аллюзия к названиям работ Ранка «Миф о рождении героя» и «Травма рождения»).

Планировалось обсуждение работы Ранка на Конгрессе в марте 1924 г., на котором в программу Симпозиума по теме травмы рождения были включены трое берлинских аналитиков и планировалось избрать Абрахама Президентом Меж-

дународного психоаналитического общества. Фрейд на Конгрессе не присутствовал из-за гриппа.

Но Ференци и Ранк уже решили не участвовать в обсуждениях своих работ. Ранк за 10 дней до Конгресса разослал письмо, в котором объявил о роспуске Комитета – решение, с которым согласились Ференци и, с огорчением, Фрейд. Прочие члены утверждали, что они этого вовсе не хотели и не хотят, что они не согласны. Ранк покинул Конгресс уже на второй день его работы, чтобы отбыть в Америку. Э. Джонс отмечает, что «несмотря на неблагоприятные предзнаменования, при которых состоялся Конгресс, мы все могли быть удовлетворены его счастливым прохождением». В ходе Симпозиума по травме рождения берлинские аналитики «говорили сдержанно и объективно». На выборах Президента Ференци предложил Абрахама, а Фрейд письмом поздравил его с избранием на этот новый для него пост. Его симпатия к Абрахаму быстро росла. В своем следующем письме он уже называет его «*rocher de bronze*» (франц. «скала из бронзы»), а о работе Ранка там же говорит: «...От идеи травмы рождения я отдаляюсь все больше и больше. Я полагаю, будет большой ошибкой не подвергнуть ее острой критике; а Ранк, которого я ценю за его одаренность, за его большие заслуги в нашем деле и из личных мотивов, усвоит ценный урок» (цит. по Джонсу [13, 88]).

В это время в Нью-Йорке, куда Ранк отправился на полгода по приглашению Президента Нью-Йоркского психоана-

литического общества Т.Х. Эймса, Ранк говорит о возможности сократить продолжительность терапевтического психоаналитического курса до 4-х месяцев, минуя толкования сновидений и длинный анализ сексуальной биографии, а напрямую ведя анализ к «проживанию» травмы рождения. Это произвело сенсацию и увлекло молодых американских психоаналитиков, но насторожило «упорных» из числа немолодых, в особенности Брила, который незамедлительно сообщил об этом Фрейду. Фрейд начинает говорить о «психоневрозе» у Ранка, а позже и о «параноиде первооткрывательства». Где-то в эти дни Ранк в приватной полуаналитической беседе называет Фрейда своим «отцом» и говорит, что неизлечимая болезнь Фрейда для него очень много значит.

Ранк тяжело переживал разрыв, предпринимал попытки примирения, несколько раз беседовал с Фрейдом после возвращения из Америки, написал открытое письмо членам бывшего Комитета, но при всей благожелательности Фрейда Ранку было непреклонно указано на «место в наших рядах для совместной борьбы». В итоге в январе 1925 г. Ранк вновь уехал в Америку.

В сентябре 1925 г. Ранк опять попытался восстановить связи, представив свой реферат на Конгресс, продолжал писать дружественные письма Фрейду.

В декабре 1925 г. Карл Абрахам, всегда бывший самым здоровым из всех, умер в возрасте 48 лет.

12 апреля 1926 г. – за три недели до 70-летия Фрейда –

Ранк навел Фрейда в последний раз, чтобы попрощаться перед окончательным отъездом из Вены в Париж.

«Да, Ранк уехал из Вены, – писал Фрейд 23 апреля 1926 г., – сначала в Париж, но это, вероятно, лишь остановка на пути в Америку. Мотивы его, должно быть, просты. Суть состоит в том, что сейчас он встал на так сказать расщепленный, холодный путь, на который раньше он хотел выйти лишь в бурном приступе болезни: на путь отрыва от меня и от всех нас. Недвусмысленны два факта: во-первых, он не хочет иметь никаких дел с теорией, в которой изложен его невроз, во-вторых, он не сделал ни малейшего шага к сближению с нашим обществом.

Я не принадлежу к тем, кто требует, чтобы другие навечно связывали себя «благодарностью» и расплачивались за услугу. Он много получил даром, взамен многое сделал и многого достиг. Стало быть, мы квиты! К проявлению особой нежности при его прощальном посещении я, однако, не увидел повода, я был прям и тверд. Ну, а мы можем поставить на нем крест. Абрахам был прав» (цит. по Джонсу [13, 96–97]).

Как говорит известная мудрость, где что-то кончается, там все только и начинается.

Каждый, кто пытался строить психотерапию на базе снятия травмы рождения, мог заметить, что пациенты быстро улавливают, что речь идет о перестройке их психического склада в корне. Многие из них начинают размышлять примерно так: «Да, я наполнен тревогой и страхом; да, я напол-

нен ненавистью и разрушением; да, я вижу в людях только их пороки. Но так ли необходимо все это менять? Может быть, вначале пусть изменится действительность? Да, я разрушаю любовь. А что она такое? Разве не тяга к соске? Да, я разрушаю сексуальные связи. А разве не сказано в Писании: „Во грехе зачаты...?“ Да, меня хлебом не корми – дай растлить человека. Так ведь он сам готов пойти на это. Разве лучше, если он так и будет прятаться за своей пристойной личиной? Да, мне не по себе, когда кому-то удастся чего-то добиться. А что такое они создают? Раскройте глаза! Это еще неизвестно, кто из нас адекватнее, кто из нас лучше приспособлен к этой жизни. И потом, это мое, это я, это то, что я умею, благодаря чему я ощущаю себя полноценным человеком. А вот снимете Вы эту травму, престану я генерировать страх и ненависть – и что тогда? Мне возвращаться в положение годовалого ребенка? Мой ум и проявляется только тогда, когда я задумываю какое-нибудь разрушение. Да и родственники мои, и друзья – все такие. Как мне жить после Вашего лечения?»

Фото: Фрейд с «Комитетом», Берлин, 1922. Задний ряд слева направо: Отто Ранк, Карл Абрахам, Макс Айтингтон, Эрнест Джонс. Передний ряд, сидят слева направо: Фрейд, Шандор Ференци, Ханс Захс

Терапевтический процесс наталкивается на более глубокое сопротивление со стороны деструктивной идентичности пациента.

Именно эту проблему и разрабатывал Ранк в свой франко-американский период. По Ранку, то, чего не хватает невротической личности, – это не здоровье, не адаптированность, часто даже не работоспособность (в конвенциональ-

ных рамках) и не приверженность семейным узам. Ей не хватает желания развиваться и созидать, ей на обломках ее существования мучительно не хватает ощущения смысла жизни, желания жить, и зачастую лишь травматический страх перед смертью удерживает ее в этой жизни. Ей не хватает вообще Добра и Ответственности. Эта нехватка обусловлена особо мучительной травмой рождения и воспроизведением (отреагированием) ее в течение всей жизни. Здесь в новом выражении возвращается невротический «замкнутый круг», разомкнуть который можно, только усилив позитивную составляющую воли пациента, ту, что привела его к терапевту и побуждает к лечению, и закрепив ее формированием новой конструктивной самоидентичности.

По Ранку, проблема невротика состоит не только в том, что разрушение для него желанно и дает облегчение, но и в том, что развитие, индивидуализация и созидательное преобразование мира на основе своей индивидуальности и по ее образам страшат его и будят чувство вины, поскольку психологически переживаются как отвязывание и отделение, а отвязывание и отделение переживаются невротиком на основе первичного отделения при рождении. Но из череды отделений состоит жизнь. Общественные установления противоречивы и содержат в себе условия для невротической фиксации. Необходимо учить и тренировать невротика жить. С этой задачей может справиться только специально построенная и при этом искусная психотерапия.

Но что лечит в терапии? Что представляет собой терапевтический агент? Индивид не может вылечиться, поняв свою психологию: рост сознания не дает излечения. По Ранку, лечит переживание себя в творческих актах: в акте принятия себя таким, какой ты есть, в акте индивидуализации, позволяющем пережить смысл индивидуальной автономии, в акте отделения, становления независимости и ответственности за свою жизнь. Как только это произойдет, пациент обретет способность действовать и хотеть. С этого момента начинается уже не невротическое приспособление путем подстраивания под окружение и идеологию, а приспособление к самому себе внутри индивидуальности; таким образом совершается принятие себя и формирование самоидентичности, в которой сознание и желание соединяются в «сознательное желание» и в «желающем сознании», и переход к преобразованию, к построению реальности сообразно своей индивидуальности.

Но как прийти к этому? Невротик приносит с собой в терапевтическую ситуацию конфликт: он хочет независимости и излечения и в то же время по-прежнему хочет зависимости, и в этом конфликте впадает в состояние «трупного окоченения», невозможности вообще хотеть. Иногда терапевту кажется, что терапевтические отношения вообще невозможны из-за «безразличной индифферентности» и «трупного окоченения».

По Ранку, терапевт может усилить позитивный аспект во-

ли пациента, создавая свободную от страха ситуацию и идентифицируясь с этим позитивным аспектом, а иногда и с негативной волей, чтобы пробудить противоволю пациента: желание повести себя наперекор терапевту.

Наработкой искусства конструктивной волевой терапии Ранк был занят в свой французско-американский период. Он по 10–12 часов ежедневно вел индивидуальную терапию, преподавал (вначале в Филадельфии, последние годы в Пенсильванском университете), опубликовал трехтомную «Технику психоанализа» (1926–1931), двухтомные «Основы генетической психологии на базе психоанализа Я-структуры» (1927–1928), работы «Искусство и художник» (Нью-Йорк, 1932), «Современное воспитание» (Нью-Йорк, 1932) и многие другие.

В 1936 г. он окончательно переселяется в США. Продолжает много работать. Но в эти последние годы его уже часто посещает депрессия: сказывается пережитое. Э. Джонс жаловался, что описывать характер Ранка до невозможности трудно, так как он не знает никого, кто за свою жизнь изменился бы столь сильно, как Ранк: личные переживания Ранка во время Первой мировой войны сделали его совершенно другой личностью, чем до нее. Затем произошел разрыв с Фрейдом, который, как мы видели, тоже переживался тяжело.

23 сентября 1939 г. в Лондоне от продолжительной раковой болезни скончался Фрейд.

31 октября 1939 г. в Нью-Йорке после короткой болезни, вызванной стрептококковой инфекцией, умер Отто Ранк.

«Британская энциклопедия» отметила, что это случилось «через пять недель после смерти Фрейда» [8].

Близкий к психоанализу и неоднократно цитировавший Фрейдом Х. Эллис назвал Ранка «блистательным, как бриллиант, и дальновиднейшим среди множества учеников и сотрудников Фрейда». А основатель гештальт-терапии Ф. Перлз оценил достижения мысли Ранка как заслуживающие «безграничного восхищения» [15, 15].

Все сделанное Ранком и сегодня, по прошествии 70 лет, остается на удивление актуальным. И отход традиционной психоаналитической терапии от исследовательского режима, затягивавшего курс на годы, и поиск компактной и одновременно более радикальной терапии. И идея Ранка о генетическом объяснении многообразия характеров и патологических синдромов «через различия воздействующих в акте рождения травматических повреждений», реализация которой лишь недавно начата С. Грофом (см. «Архитектура эмоциональных расстройств», гл. 4 [1, 220–340]), и хотя такое начало впечатляет своей эвристичностью и продуктивностью – это все же лишь начало. И нацеленность психотерапевтического процесса на травму рождения, ставшая отличительной чертой лишь недавно оформившегося направления холотропной психотерапии, хотя сегодня можно сказать, что и вся психотерапия постепенно приходит к травме

рождения как к фокусу своего приложения.

Но более актуальные из поднятых им проблем выходят за пределы собственно психотерапии – речь идет о раскрытии содержания и психологического смысла самой травмы рождения.

В своей книге Ранк говорит о ностальгическом стремлении человека вернуться во внутриутробное состояние, которое Ранк рассматривает, судя по тексту, как конечное состояние далее ни к чему не сводимого и необъяснимого «блаженства», а травмирующим фактором считает, как следует из некоторых фрагментов текста, само расставание с внутриутробным состоянием. Поэтому понятно, почему он нигде не говорит о возможности избегания, непричинения травмы при рождении, что, казалось бы, напрашивается, в том числе и исходя из некоторых мест в тексте самой книги, в частности из упоминаний о «кесаревом сечении» и др.

Что же представляет собой это «невозвратимое блаженство»?

В работах деятельного направления советской психологии 1930-1980-х годов показано, что единственным, далее ни к чему не сводимым законом психической жизни является развитие деятельности субъекта. Следовательно, пока деятельность субъекта развивается естественным ходом, состояние субъекта гармонично и благополучно. Но ведь именно это и составляет содержание всей внутриутробной психической жизни. Ребенок в утробе матери, свободный от удо-

влетворения «псевдопервичных» потребностей (в пище, воде, температурном гомеостазе и пр.), развивает свои перцептивные слуховые, осязательные, кинестетические и отчасти зрительные действия, свою моторику в водно-тканевой среде и восприятие схемы тела, действия общения с матерью (толчки в стенку), развивая тем самым себя, и из этого состоит вся его жизнь (притом что негативные влияния во внутриутробный период, как правило, незначительны или вовсе отсутствуют). При этом тело субъекта (с его нервной системой, органами движения и пр.), находящееся в работоспособном состоянии, является неизбежным средством психического аппарата во всех предпринимаемых им актах. Но внутриутробная среда бедна стимулами и объектами, и, вероятно, к 9 месяцам ребенок исчерпывает ее возможности для развития своих действий. Закон развития деятельности должен его самого побуждать к выходу из этой среды, что он и может предпринять посредством механизмов влияния плода на родовую активность матери. К этому времени внутриутробная среда близка к исчерпанию и физически: масса тела и активность плода растут, а резервы материнского организма и плацентарные каналы ограничены – при всплесках активности ребенка уже начинает сказываться дефицит кровоснабжения и кислорода.

Предположение о тенденции ребенка к вечному пребыванию в утробе не находит себе никакого обоснования. Ничего значимого ребенок в утробе не оставляет, никакой трав-

мы от ухода из нее получить не может, напротив, по многим причинам ребенок сам испытывает потребность выйти.

Но что тут начинается?! Вдруг этот мешок начинает очень сильно и болезненно сдавливать все тело ребенка и делает это все сильнее и все чаще, поступление крови и кислорода в нем сокращается, хотя у ребенка потребность в них возрастает в результате болевых ощущений и мышечного напряжения; вот болезненным обручем сдавило голову и давит и толкает в ягодицы, загоняя все глубже в этот болезненный обруч (голова входит в родовые пути), вот уже внутри происходит нечто нестерпимое (дефицит кислорода), лихорадочно бьется и начинает побаливать сердце (компенсация дефицита ускоренным током крови), но тут вдруг обжигает всю зажатую в обруче макушку (прорвался пузырь, излились первые воды, и кожа входит в контакт с кислородом воздуха), болезненно сминается все лицо, сдавливаются плечи и грудь – все очень болит, а нестерпимое ощущение внутри становится совсем невыносимым, но тут ярчайший свет падает на сетчатку глаз (почти не знавшую световой адаптации), звуки становятся очень сильными и незнакомыми по тембру, вот уже обжигает всю кожу и в то же время холод охватывает тело (знавшее до сих пор только $36,6^{\circ}\text{C}$ и никогда не адаптировавшееся к ее перепадам, тем более на целых 15°C), оно наполняется свинцовой тяжестью («гравитационный удар» после привычки к водной среде) и что-то больно отдается в живот (перерезают пуповину), а потом вдруг по горлу пробегает

ожог и заполняет всю грудь (первый вдох), все прикосновения грубые и пронизывающе-холодные. И вот все тело измято, обожжено внутри и снаружи, болит и неподъемно тяжело, а все окружающие стимулы очень интенсивны и незнакомы, и нет ни времени, ни сил их понять. А тут еще добавляются вялость и сонливость после еды (энерготраты на переваривание и усвоение пищи) и дискомфорт не настроенного на это организма, а кожу начали болезненно раздражать моча и экскременты, которые никогда не удаляются сразу, а лишь через какое-то время, а попытка задержать их в себе приводит только к другому, тоже всепоглощающему дискомфорту.

В один момент все наработанные навыки стали недействительными, а тело ни к чему не пригодным на этой другой планете. Ребенком владеют страх и боль, боль и страх и только одно желание – устранить все это. А есть только это настоящее. И уже никогда не забыть его в своих чувствах, как и эту попытку оставить освоенное и выйти в сферу дальнейшего развития. Любая попытка выхода и развития теперь всегда будет будить этот страх, и желание устранить его, и состояние потери своих способностей и самого себя.

Заметим, что ведь выше я эскизно описал «благополучное» рождение. А у многих из нас оно было значительно более тяжелым на разных его фазах и вследствие воздействия различных факторов.

Ну а если по возможности снизить интенсивность всех этих перепадов и дать ребенку возможность осваивать их в

действии как обычную «новизну», будет ли рождение и тогда травматичным?

Наблюдения за развитием детей, родившихся пока лишь при частичном смягчении травмирующих факторов (отчасти и анализ Ранком легкого варианта родов у «недоношенных»), позволяет предполагать, что рождение может не быть травматичным.

Эти первые данные подтверждают справедливость закона развития деятельности как фундаментального закона психической жизни и открытие Ранком существа невроза (травмированности) как отказа от развития, от созидания себя и окружающего мира. Кажется очевидным, что невроз мог обрести эту сущность только в том случае, если травма и страх стали для человека препятствием именно к развитию своей деятельности и себя самого, а не к чему-то другому (не к повторению освоенного, не к удовлетворению витальных потребностей и пр.).

Поэтому, когда Ранк говорит о «блаженстве» внутриутробного состояния и травмирующем отрыве от него, то это, вероятно, верно лишь постольку, поскольку человек только там жил сообразно закону психической жизни и был «блажен» этим. Не сами по себе внутриутробные условия являются предметом ностальгии, а лишь вот эта законосообразность. Но в таком случае в этом состоянии можно оставаться и вне утробы.

А если это так, то встают задачи скрупулезного междисци-

плинарного исследования и выявления всех факторов, пресекающих функционирование развивающейся деятельности ребенка, и разработки методик их смягчения в родовом процессе. И всякий, кто включается в эту работу, должен был бы начинать ее с изучения книги Ранка.

Все это дает основание осмыслить сегодня книгу Ранка в контексте развития новой культуры вынашивания и родов и в этом увидеть главное ее значение.

Читая книгу Ранка, соглашаешься с впечатлением Э. Джонса о перегруженности стиля. Этому, вероятно, есть несколько причин. И чрезвычайная занятость Ранка, не допускавшая полного сосредоточения, а оно требовалось здесь как нигде. И ориентированность книги на коллег, осведомленных о множестве деталей, что позволяло автору зачистую (как правило, когда речь заходила о врачебном анализе) ограничиваться лишь указательным жестом, не раскрывая весь материал. Определенно сказывается и необыкновенное многообразие форм фиксации проявлений травмы рождения и непривычные перепады глубин их запятанности в семантику действий и феноменов – от прямых несублимированных форм выражения до многошаговых символизаций. Но главная причина видится в обескураживающей глобальности проявлений травмы рождения в жизни человека и человечества, некоторая растерянность перед которой самого автора местами ощущается, чуть ли не видимого ощущения беспомощности.

Да и позволяет ли сам предмет оказаться этой Книге в числе легких для чтения?

Е.Н. Баканов Санкт-Петербург. Август 1994

Литература

1. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / Перев. с англ. 2-е испр. изд. М: Изд-во Трансперсонального института, 1993.
2. Гроф С. Области человеческого бессознательного: опыт исследований с помощью ЛСД / Перев. с англ. М: МТМ, 1994.
3. Немилов А.В. Биологическая трагедия женщины. Очерки физиологии женского организма. Изд. 5-е, перераб. и доп. Л.: «Сеятель», 1930.
4. Психоанализ и учение о характерах / З. Фрейд, Э. Джонс, Хаттинберг, Сэджер. – Психологическая и психоаналитическая библиотека под ред. проф. ИД. Ермакова. Вып. V. – М.; Петроград: Госиздат, 1923.
5. Ранк О., Захс Х. Значение психоанализа в науках о духе / Авториз. перев. СПб.: Книгоизд-во М.В. Попова, б.г. /1914/.
6. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М: «Наука», 1966.
7. Brockhaus Enzyklopadie. Bd. 17. Wiesbaden: 1972.

8. Encyclopaedia Britannica. Vol. 18. Chicago, London a.o.: 1964.
9. Freud S. Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung // Jahrbuch der Psychoanalyse, 1914, Bd. VI.
10. Freud S. Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung. Leipzig; Wien, Zurich: Internationaler Psychoanalytischen Verlag, 1924.
11. Yones E. Das Leben and Werk von Sigmund Freud. Bd. I. Die Entwicklung zur Persönlichkeit and die grossen Entdeckungen. 1856–1900. Bern; Stuttgart: Verlag Hans Huber, 1960.
12. Yones E. Das Leben and Werk von Sigmund Freud. Bd. II. Jahre der Reife. 1901–1919. Bern; Stuttgart: Verlag Hans Huber, 1962.
13. Yones E. Das Leben and Werk von Sigmund Freud. Bd. III. Letzte Phase 1919–1939. Bern; Stuttgart: Verlag Hans Huber, 1962.
14. Vallois H.V. The Social life of early man: the evidence of skeletons // Social life of early man / Ed. S.L. Washburn – Chicago. Aldine Publishing Company, 1961. P. 214–235.
15. Zotte A. Erziehung zum iiber – Menschen. Individualitat, Kreativitat and Wille bei; Otto Rank – Imst/Tirol; Paderborn: Aggerverlag, 1980.

Предварительные замечания

ЗИГМУНДУ ФРЕЙДУ
ИССЛЕДОВАТЕЛЮ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО
ТВОРЦУ ПСИХОАНАЛИЗА
ПРЕПОДНОСИТСЯ 6 МАЯ 1923 ГОДА

Ходит стародавнее предание, что царь Мидас долгое время гонялся по лесам за мудрым Силеном, спутником Диониса, и не мог изловить его. Когда тот, наконец, попал к нему в руки, царь спросил, что для человека наилучшее и наименее предпочтительнейшее. Упорно и недвижно молчал демон; наконец, принуждаемый царем, он с раскатистым хохотом разразился такими словами: «Злополучный однодневный род, дети случая и нужды, зачем вынуждаешь ты меня сказать тебе то, чего полезнее было бы тебе не слышать? Наилучшее для тебя вполне недостижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем. А второе по достоинству для тебя – скоро умереть».

Ф. Ницше «Рождение трагедии...»

Нижеследующие размышления представляют собой первую попытку приложить психоаналитический способ мышления как таковой к пониманию развития человечества в целом и самого человеческого становления. Точнее говоря, не приложить, поскольку речь идет не об очередном «приложении психоанализа к наукам о духе», а скорее о приме-

нении психоаналитического мышления ради достижения целостного понимания человека и человеческой истории, которая, в конечном счете, представляет собой историю психического, т. е. историю развития человеческого духа и его творений.

Этот своеобразный, еще не вполне привычный нам способ рассмотрения открывается благодаря небывалому расширению сознания, достигнутому посредством психоанализа, который дал нам возможность проникать в глубины бессознательного как такового и исследовать принципы его функционирования. Так как научное познание само по себе предполагает сознательное постижение прежде непознанного, очевидно, что любой результат расширения сознания посредством анализа предполагает понимание. В совершенно определенный момент психоаналитического познания, которое мы сейчас рассмотрим более детально, обнаруживается, что весь путь органического или биологического развития можно «понять» лишь с учетом психического, которое, наряду со всем прочим, включает в себе и сам наш познавательный аппарат, который стал на порядок продуктивнее благодаря нашему знанию о бессознательном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.